

Последним экзаменом был английский язык, и здесь Лу Минлан чувствовал себя уверенно. Экзамен 1990 года был не таким сложным, как в будущем. Лу Минлан несколько раз ездил за границу с Шэнь Яньхэном, и его разговорный язык был на хорошем уровне, не говоря уже о том, что позже он заставил себя выучить множество новых слов для делового английского.

После экзамена учитель математики принёс ответы, чтобы они могли проверить свои результаты. Лу Минлан подсчитал свои баллы — семьдесят два, ровно на границе сдачи.

Шэн Цзяньмин и Цуй Чжэньсян получили сто восемнадцать и сто семь баллов соответственно, и были в восторге — этот экзамен по математике был несложным, и благодаря этому у них было достаточно времени, чтобы решить даже самые трудные задачи.

Но когда они увидели оценку Лу Минлана — семьдесят два.

— ...Старший, зачем ты написал здесь семьдесят два?

Лу Минлан ответил:

— ...Это мой балл.

Шэн Цзяньмин и Цуй Чжэньсян смотрели на него с выражением «Ты шутишь?».

Лу Минлан, который ещё минуту назад был в отчаянии, увидев их изумлённые лица, вдруг успокоился.

На самоподготовке они проверили ответы по китайскому языку, математике, английскому и физике.

Лу Минлан, кроме сочинения, был уверен, что получил максимальный балл по английскому, по математике — семьдесят два, по китайскому — девяносто три, по физике — сорок два.

Задания в Экспериментальной старшей школе были не такими сложными, как на гаокао, но в то время большинство задач на гаокао не были запредельно трудными. Однако Экспериментальная старшая школа считала, что сложные задачи не по силам ученикам, поэтому усиленно тренировала их на простых, чтобы они не теряли баллы на них — ученики первого и второго классов всё же тренировались на сложных задачах, так как они были лучшими в школе.

На следующий день утром прошли экзамены по химии и биологии, а результаты по китайскому, английскому и политике уже были известны. В точных науках, где ответы были фиксированными, ничего не изменилось.

Лу Минлан подсчитал свой общий балл — чуть больше четырёхсот. Он помнил, что в этот раз лучший результат был более шестисот баллов, что в то время считалось очень высоким показателем. В том году проходной балл в самый престижный университет города Б был всего пятьсот шестьдесят. Но так как экзамен был несложным, более шестисот баллов набрали более шестидесяти человек по всей школе.

Лу Минлан оказался на восемнадцатом месте в классе, ровно посередине.

В то время восемнадцатое место не было поводом для гордости, и в обед учительница Чэнь Наньнань вызвала его к себе. Шэн Цзяньмин и Цуй Чжэньсян смотрели с беспокойством, но не осмелились последовать за ним.

— Минлан, как дела дома?

В кабинете Чэнь Наньнань не стала сразу говорить о его резком падении успеваемости, а усадила его за свой стол, заставленный маленькими горшками с растениями, и налила ему стакан горячей воды.

Лу Минлан, чувствуя дискомфорт в желудке, с облегчением улыбнулся, получив горячую воду:

— Всё в порядке, учитель, я уже почти всё уладил.

Чэнь Наньнань сказала:

— Ты очень хорошо сдал английский, даже сочинение по китайскому написано отлично... — она сделала паузу. — Но...

Лу Минлан знал, что последует за этим «но» — он провалил точные науки.

— В нашей Экспериментальной старшей школе только около пятидесяти человек могут поступить в университет или колледж, и первый и второй классы занимают половину этих мест. Хотя ты восемнадцатый в классе, если бы это был гаокао, ты бы провалился.

Даже во втором классе разрыв между успевающими и отстающими был огромен. Экспериментальная старшая школа не собирала всех лучших учеников в одном классе. Первый класс состоял из учеников с влиятельными семьями и лучшими вступительными баллами, а второй класс — из менее влиятельных, но также с хорошими вступительными баллами. Такая градация позволяла остальным стремиться к лучшему и поддерживала средний уровень в каждом классе.

Поэтому разница между десятым и шестым местом могла составлять сто баллов.

Лу Минлан сейчас даже не дотягивал до уровня колледжа.

Лу Минлан сказал:

— Учитель, я обещаю, что скоро всё наверстаю. На следующем пробном экзамене я вас не разочарую.

Чэнь Наньнань похлопала его по плечу:

— Я беспокоюсь, что у тебя есть трудности.

Она верила, что Лу Минлан сможет преодолеть этот этап, и дала ему время, разрешив отлучиться. Но то, что он так плохо сдал простой экзамен, заставило её думать, что он был рассеян.

А что ещё могло быть причиной рассеянности, кроме как внутренних проблем?

Может, не хватает денег?

Лу Минлан улыбнулся:

— Были, но я уже всё решил, учитель Чэнь. Просто я ещё не совсем оправился, голова немного кружится, но в следующий раз всё будет хорошо!

Чэнь Наньнань, увидев, что его беспокойство действительно исчезло, немного сомневаясь, похлопала его по плечу:

— Тогда я буду ждать твоих следующих результатов. Если у тебя будут трудности в жизни, обязательно скажи учителю...

Лу Минлан поспешно отклонил предложение Чэнь Наньнань. В прошлой жизни она много помогала ему, но после повторного курса она перевелась из Экспериментальной старшей школы, и Лу Минлан всегда сожалел об этом.

Чэнь Наньнань, увидев, что дела Лу Минлана лучше, чем она ожидала, расслабилась.

— Хотя ты плохо сдал точные науки, но твой почерк в китайском и английском очень хорош, чёткий и уверенный. Продолжай стараться, и ты сможешь ещё больше улучшить его.

Лу Минлан слегка удивился, вспомнив, как в прошлой жизни он несколько месяцев тренировал почерк для экзаменов по китайскому — Чэнь Наньнань знала об этом. На экзаменах многие старались писать аккуратно, поэтому она подумала, что Лу Минлан просто тренировался. Он поспешно улыбнулся, попрощался с учителем и вернулся в класс, чтобы не выдать себя.

— Старший, зачем учитель вызывала тебя?

— Говорила, что ты плохо сдал?

Лу Минлан ответил:

— Ничего серьёзного, учитель Чэнь просто хотела убедиться, что у меня всё в порядке дома. В следующий раз я сдам лучше.

Шэн Цзяньмин и Цуй Чжэньсян начали обсуждать с ним задания, а в классе никто не спал.

После разбора экзаменов Лу Минлан вспомнил ещё кое-что. Он хорошо помнил, какие задачи были самыми сложными на гаокао в этой жизни — он повторно сдавал экзамены, и в тот год они разбирали предыдущий гаокао. Поэтому он запомнил всё очень чётко.

В китайском языке был текст для чтения, а в английском — письмо...

На вечерней самоподготовке Лу Минлан достал все свои тетради и начал их заучивать.

Слава богу, у него была привычка хорошо вести конспекты, и учитель Чэнь настаивала на этом.

Все три года материала по точным наукам были в этих тетрадях. Ему нужно было только выучить их и потренироваться пару недель, чтобы вернуться к уровню прошлой жизни! Более того, он сдавал гаокао дважды, а позже сдавал ещё более сложные экзамены, и, как и в школе, когда возвращаешься к задачам из младших классов, они кажутся проще. Лу Минлан был уверен, что сможет сдать даже лучше, чем в прошлой жизни!

После вечерней самоподготовки он вернулся в общежитие. В комнате на двенадцать человек было только трое: он, Шэн Цзяньмин и Цуй Чжэньсян.

Экспериментальная старшая школа разрешала жить в общежитии, но за это нужно было платить, и государство не предоставляло субсидий. У них всё же было неплохо, так как они получали субсидии на питание.

В общежитии первого класса почти все места были заняты, а во втором классе многие жили дома, и около восьмидесяти процентов учеников помогали по хозяйству, девочки готовили еду и собирали корм для свиней, а в сезон сельхозработ многие даже не приходили в школу. В то время это было нормально, хотя в будущем такое было бы невозможно представить.

Лу Минлан в первые два года тоже жил дома, но тогда его семья уже была довольно обеспеченной, и им не нужно было самим работать в поле. Лу Минлан считал, что это мешает учёбе, и Шэн Цзяньмин с Цуй Чжэньсяном постоянно уговаривали его, так что он тоже переехал в общежитие — это было удобно для его планов.

— Формулы? В китайском есть формулы?

Лу Минлан серьёзно ответил:

— Я ездил в большой город, это опыт тамошних отличников.

Шэн Цзяньмин и Цуй Чжэньсян с горящими глазами смотрели на него:

— Правда?

— Правда.

Лу Минлан разложил купленные материалы и велел им переписать всё, что он выделил.

Хорошая память хуже, чем запись на бумаге — это вечная истина.

<http://bllate.org/book/16627/1522677>